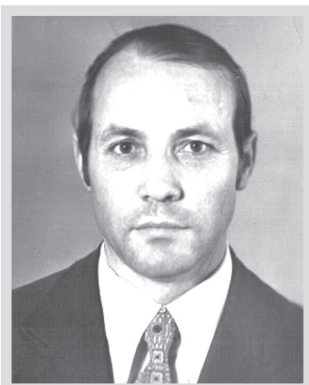

Злоупотребление должностными полномочиями как основное коррупционное преступление и вопросы совершенствования его законодательного определения

Сидоров Б.В.

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Казанского государственного университета

Фахриев М.М.

Председатель Бавлинского городского (районного) суда Республики Татарстан

Изучение международно-правовых актов, национального и зарубежного уголовного законодательства о противодействии коррупции и ответственности за злоупотребление должностными полномочиями (положением, влиянием, властью), необходимой юридической и справочной литературы позволили авторам проанализировать соответствующее российское уголовное законодательство и по-новому сформулировать состав преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, и некоторые другие связанные с ним уголовно-правовые нормы.

Зло проистекает не от употребления дурной вещи, а от злоупотребления очень хорошей вещью.

А. Линкольн.

В ст. 285 УК РФ злоупотребление должностными полномочиями определяется как использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

В отечественной юридической литературе под злоупотреблением лицом своими служебными полномочиями понимается реализация им юридических и фактических возможнос-

тей, совершенная вопреки целям, задачам и интересам законной служебной деятельности, то есть совершение таких действий, которые хотя и находятся в пределах его служебных полномочий, но в конкретном случае реализуются незаконно, либо умышленное несовершение действий, которые должностное лицо обязано было совершить в силу служебного положения [1, с. 115]. Это форма злоупотребления правом, состоящая в незаконном использовании официально предоставленных лицу в силу занимаемого им служебного положения прав, возможностей для совершения деяния, противоречащего

интересам службы и влекущего существенное нарушение иных правоохраняемых интересов. Это есть и умышленное неисполнение служебных обязанностей, которые возложены на лицо как участника соответствующего правоотношения для осуществления законной деятельности в интересах службы, государства и общества.

Значение правильного определения *злоупотребления должностными полномочиями* или близкого ему по смыслу термина *злоупотребления властью* в российском уголовном законодательстве существенно возросло после недавней ратификации Европейской конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. и Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г. Федеральным Собранием России. Д.А. Медведев в своем интервью, данном им российскому телевидению вскоре после избрания его президентом Российской Федерации, указал на вопиющую медлительность с применением системного законодательства, направленного на противодействие коррупции в стране, и необходимость скорейшего приведения норм национального, прежде всего уголовного законодательства в соответствие с вышеуказанными международно-правовыми актами [2, с. 20]. В уголовном законодательстве РФ должны быть криминализованы все наиболее общественно опасные формы коррупционной преступности и оптимизированы редакции уже существующих составов коррупционных преступлений. Среди последних особая роль принадлежит составу преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, поскольку такой признак его объективной стороны как *использование лицом своих служебных полномочий* («*должностных полномочий*») или власти лежит в основе определения коррупции, и этот признак повторяется при описании объективной стороны специальных составов злоупотребления должностными полномочиями (ст.ст. 169, 170 и др. УК РФ).

Энциклопедический словарь определяет *коррупцию* как преступление, заключающееся в прямом *использовании должностным лицом прав, связанных с его должностью*, в целях личного обогащения [3, с. 642].

Согласно Российской юридической энциклопедии, коррупция означает *использование*

государственными служащими и представителями органов государственной власти занимаемого ими положения, служебных прав и властных полномочий для незаконного обогащения, получения материальных и иных благ и преимуществ как в личных, так и в групповых интересах.

Н.И. Хохлов рассматривает *коррупцию как умышленное использование лицами, осуществляющими функции представителей власти, а также находящимися на государственной службе, своего служебного положения для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме и т.д.* [4, с. 94-97].

По мнению Е.О. Коваленко, *коррупция* «представляет собой совокупность преступлений, совершенных публичными должностными лицами с использованием ими своего должностного и фактического положения, имеющих у них должностных и служебных полномочий, вытекающих из них возможностей, вопреки законным интересам граждан, общества, государства, государственной службы, службы в органах местного самоуправления, коммерческих и иных организациях в целях личного обогащения или в иных личных, узко групповых и корпоративных целях...» [5, с. 51].

Б.В. Волженкин считает, что *коррупцию* составляют преступления лиц, *официально привлеченных к управлению* (государственные и муниципальные служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций), *использующих различным образом имеющиеся у них по статусу возможности* для незаконного извлечения личной выгоды [6, с. 20].

В Справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией последняя определяется как «*злоупотребление государственной властью для получения выгод в личных целях*» [7].

Аналогичное определение коррупции дает эксперт ООН, известный российский криминолог В.В. Лунев [8, с. 81].

Коррупционным, по мысли П.А. Кабанова, Ш.М. Мулюкова и Р.Р. Галимзянова, можно считать «*умышленное преступление, совершаемое должностным лицом органов государственной власти или местного самоуправления с использованием своего служебного положения или ав-*

торитета власти в корыстных целях или из иной личной заинтересованности» [5, с. 51].

Страсбургская Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» не дает общего определения коррупции, но в ней формулируются различные виды уголовно-наказуемых коррупционных деяний, связанных с активным и пассивным подкупом национальных государственных должностных лиц, иностранных государственных должностных лиц, должностных лиц международных организаций и др. (ст.ст. 2-11), а также *отдельный вид коррупционного преступления, именуемого «использованием служебного положения в корыстных целях»* (в другом переводе Конвенции – *«злоупотреблением влиянием в корыстных целях»*) (ст. 12).

В Законе Республики Татарстан от 4 мая 2006 г. №34 ЗРТ «О противодействии коррупции в Республике Татарстан» дается комплексное правовое определение коррупции, включающее в свое содержание подкуп и продажность лиц, замещающих государственные должности, а равно должности муниципальной службы, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей (п.1 ст. 1).

Можно и нужно говорить о незаконности содержания в указанном Законе РТ положений уголовно-правового характера (например, п.п. 1 и 2 ст. 1, п.9 ст. 3), противоречащих ст. 71 Конституции РФ, как и о том, что вызывающая медлительность высших федеральных властей с принятием закона о борьбе с коррупцией спровоцировала законодательную инициативу региона (РТ) по принятию аналогичного законодательного акта, а также о том, что в упомянутом Законе РТ при определении коррупции и коррупционного правонарушения в какой-то мере используются рекомендации Конвенции СЕ от 27 января 1999 г. относительно включения в указанные понятия взяточничества (*«подкуп - продажность» должностных лиц*) и злоупотребления должностными лицами своими *«государственно-властными полномочиями»* и своим положением (*«связанными с ними возможностями»*).

Таким образом, злоупотребление должностными полномочиями и связанными с ними или вытекающими из них возможностями, служебного положения, государственной власти

или авторитета власти есть использование должностным лицом таких полномочий, возможностей, положения, власти или авторитета вопреки законным интересам граждан, организаций, общества, государства, интересам государственной или муниципальной службы, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности.

«Злоупотребление» в буквальном смысле означает «употребление во зло», т.е. *«использование кого-что-нибудь для каких-нибудь целей»* [9, с. 836], в данном случае – *«во вред» кому-нибудь или чему-нибудь* [9, с. 230]. Если говорить о злоупотреблении должностными полномочиями (положением, властью и т.п.), то следует указать на использование последних вопреки законным задачам и целям, на достижение которых должны быть направлены действия должностного лица по осуществлению своих полномочий и вытекающих из них возможностей, прав и обязанностей перед обществом, своими гражданами. При правильном определении того, каким должно быть соотношение между ролью власти и народа, кто для кого и кто должен кому служить, истина могла быть сформулирована так: не народ для власти, а власть для народа, которую он делегировал своим управляющим. Государственная служба для чиновника, в конечном итоге, – не самоцель, а эффективный способ достижения основной цели службы – *принесения максимальной пользы управляемым согражданам, защиты публичных интересов путем использования официальных полномочий, влияния и авторитета власти*. Именно поэтому Международный кодекс поведения государственных служащих, утвержденный ГА ООН 12 декабря 1996 г., специально подчеркивает, что государственная служба подразумевает *обязанность действовать в публичных интересах, действительно, честно и в соответствии с законами и административными актами путем эффективного использования тех публичных средств, которые находятся под контролем государственных служащих, а также обязанность быть внимательными и честными при исполнении своих функций, прежде всего, в отношениях с общественностью*.

Исходя из сказанного, преступное злоупотребление полномочиями имеет место тогда,

когда государственный или муниципальный служащий, во-первых, использует свои полномочия (положение, влияние, авторитет власти и т.п.) в личных или корпоративных интересах, в том числе лишь в интересах службы, противоречащих публичным интересам; во-вторых, нарушает при этом законы и соответствующие им административно-правовые акты, в том числе и прежде всего регулирующие служебную деятельность и правильное использование лицом своих полномочий или власти, т.е. действует незаконно, бесчестно и вопреки интересам службы; в-третьих, неэффективно использует те полномочия («публичные средства»), которыми его наделяет закон для выполнения им служебных обязанностей; в-четвертых, путем незаконного или неэффективного использования своих полномочий (власти, влияния и т.п.) причиняет правоохрательным интересам существенный или более тяжкий вред.

УК РСФСР 1960 г., как известно, предусматривал уголовную ответственность за злоупотребление властью или служебным положением (ст. 170). Раскрывая понятие должностного злоупотребления («властью или служебным положением»), Пленум Верховного Суда СССР в своем Постановлении от 30 марта 1990 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» указал, что таковыми могут быть признаны действия должностного лица, которые вытекали из его служебных полномочий и были связаны с осуществлением прав и обязанностей, которыми это лицо было наделено в силу занимаемой должности [10, с. 16]. При таком понимании терминов «власть» и «служебное положение» все сводится к определению их как элементов проявления «служебных полномочий», которыми лицо наделяется в силу занимаемой должности и которые связаны с осуществлением им своих прав и обязанностей. Этим во многом и продиктовано изменение названия рассматриваемого преступления в ст. 285 УК РФ 1996 г. Аналогично решается этот вопрос в УК Грузии (ст. 332), Республики Казахстан (ст. 307), Республики Узбекистан (ст. 205), Кыргызской Республики (ст. 304), Республики Таджикистан (ст. 314), Австрии (§ 302), Турции

(ст.ст. 228 и 230), Польши (ст. 231) и некоторых других государств.

В УК Швейцарии предусматривается ответственность за «злоупотребление служебным положением» (ст. 312) лиц, «злоупотребляющих служебной властью». Тем самым «служебное положение» приравнивается к понятию «служебная власть».

УК Эстонской Республики содержит составы злоупотребления служебным положением (ст. 161) и злоупотребления властью (ст. 161-1), которое осуществляется «при выполнении своих служебных обязанностей».

УК Франции среди составов злоупотребления властью (Отдел II) в отдельных статьях содержит составы действий лица, обладающего публичной властью или выполняющего обязанности по государственной службе, совершаемого при осуществлении в связи с осуществлением своих полномочий или обязанностей (ст. 432-4), и бездействие такого лица, выразившееся в умышленном уклонении его от осуществления своих полномочий или обязанностей (ст. 432-5).

УК Республики Беларусь определяет ответственность за злоупотребление властью, связываемая совершение этого деяния с исполнением или неисполнением должностным лицом своих полномочий или обязанностей.

Уже из указанного видно, насколько по-разному ученые и законодатели определяют, формулируют и толкуют такие понятия, как «служебные (должностные) полномочия», «служебное положение», «государственная власть» и некоторые другие, с помощью которых необходимо описывать объективные признаки исследуемого преступления.

«Полномочие» означает «предоставленное кому-нибудь право какой-нибудь деятельности, ведения дел» [9, с. 554].

На наш взгляд, злоупотребление служебными полномочиями представляет собой реализацию виновным предоставленных ему по долгу службы субъективных прав в противоречие интересам общества, государства и надлежущей деятельности учреждения, предприятия, организации или индивидуальной деятельности, в результате чего причиняется существенный или более тяжкий вред объектам, находящимся под уголовно-правовой защитой. Налицо ситуа-

ция, когда злоупотребление правом становится способом совершения преступления.

Сторонники более широкого понимания термина «служебные полномочия» полагают, что этот термин включает в себя не только действия, совершаемые в рамках компетенции служащего (должностного лица), но и использование возможностей, вытекающих из авторитета и связей с другими служащими (должностными лицами) [11, с. 63-64; 12, с. 75].

Однако использование полномочий имеет место тогда, когда решения и действия должностного лица осуществляются в рамках его служебной компетенции, совершаются в момент исполнения им своих функций от имени конкретного государственного органа или учреждения муниципального образования. Лишь в таких случаях последние несут ответственность за действия своих должностных лиц. Иными словами, злоупотребление будет иметь место там, где происходит использование полномочий, т.е. *исполнение непосредственно предоставленных лицу в силу его служебного положения и роду служебной деятельности прав и обязанностей*. Использование же возможностей, вытекающих из авторитета и связей с другими служащими (должностными лицами), может именоваться, конечно, в случаях, когда эти возможности направлены во зло правоохраняемым интересам, *злоупотреблением служебным полномочием* [9, с. 555] или *злоупотреблением влиянием* [9, с. 86].

По смыслу ст. 285 УК РФ, использование должностным лицом своего авторитета и связей в силу своего служебного статуса есть деяние аморальное, порицаемое, могущее повлечь лишь меры дисциплинарного воздействия. Вместе с тем, использование должностного положения в корыстных или иных личных интересах вопреки публичным интересам, сопровождающееся причинением последним существенного или более тяжкого вреда, представляет не меньшую общественную опасность, чем злоупотребление должностными полномочиями.

В УК РФ *использование служебного положения* в целях совершения общественно опасного деяния в ряде уголовно-правовых норм признается *конструктивным признаком состава преступления*, благодаря которому оно становится

уголовно-наказуемым деянием (например, в ст.ст. 149, 169, 170 УК РФ). Во многих других составах преступлений, предусмотренных, например, ст.ст. 136 ч.2, 137 ч.2, 138 ч.2, 139 ч.3, 141 ч.3 п. «б», 175 ч.3, 178 ч.2, 188 ч.3 п. «б», 205-1 ч.2, 215-2 ч.2 п. «в», 226 ч.3 п. «в», 229 ч.2 п. «в», 241 ч.2 п. «а», 282 ч.2 п. «б», 282-1 ч.2 п. «б» УК РФ, указанное обстоятельство выступает в качестве *отягчающего или особо отягчающего в квалифицированных и особо квалифицированных видах соответствующих составов преступлений*.

Очевидно, этим же во многом объясняется то, что упомянутая Конвенция Совета Европы 1999 г. в качестве одного из основных коррупционных преступлений предусматривает не *«злоупотребление полномочиями»*, а *«злоупотребление влиянием»* или *«злоупотребление служебным положением»*, а в Справочном документе ООН основу определения коррупции составляет деяние, именуемое *«злоупотреблением государственной властью»*.

«Власть» в широком ее понимании есть *право (способность) и возможность распоряжаться кем-чем-нибудь, влиять на деятельность и поведение людей, опираясь на свою волю и авторитет, правовые и моральные нормы, угрозу принуждения и наказания, обычаи и традиции*. Отсюда, *злоупотребление властью* должно пониматься как *деяние, состоящее в незаконном (преступном) использовании своих прав (способностей) и возможностей во вред интересам службы, другим правоохраняемым интересам*.

Таким образом, *«злоупотребление властью»* – *понятие более общее по сравнению с понятиями «злоупотребление полномочиями», «злоупотребление положением» или «злоупотребление влиянием»*. Использование государственной власти и примыкающей к ней (дополняющей ее) муниципальной власти [13] для получения выгод в личных целях (*«злоупотребление властью»*) включает использование в тех же целях не только официальных прав (способностей) в рамках своей служебной компетенции (*«злоупотребление полномочиями»*), но и фактических возможностей, авторитета власти и связей, основанных на служебном положении или влиянии должностного лица (*«злоупотребление*

служебным положением или влиянием»). Именно этот термин («злоупотребление властью») следовало бы использовать при определении названия и законодательной формулировки преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ.

В связи с этим нельзя согласиться с позицией некоторых авторов, которые считают, что использование лицом своего авторитета не влечет уголовную ответственность, поскольку оно своими правами и обязанностями не злоупотребляет [14, 15]. То обстоятельство, что должностное лицо в таком случае не использует служебные полномочия в пределах своей компетенции, вовсе не означает, что оно не использует свои права и не затрагивает свои обязанности, связанные с его служебным положением и авторитетом власти, действуя во вред интересам службы и другим правоохраняемым интересам. Своими действиями оно может поставить в опасность судьбы десятков, сотен, тысяч и даже миллионов людей, интересы которых оно обязано защищать. При этом используется не авторитет личности, как гражданина, обладающего субъективными правами, а авторитет должности, существенно повышающий способность лица влиять на других людей, в том числе на служащих, непосредственно ему не подчиненных. Социальный опыт часто показывает: *«Не тот прав, кто действительно прав, а тот, у кого больше прав»*. Во властных структурах корпоративные и иные связи между должностными лицами весьма прочные, регулярно подкрепляемые многочисленными линиями коррупционных связей. В этом и состоит главная опасность злоупотребления служебным положением и авторитетом власти.

Кроме того, в указанном случае государственный служащий (должностное лицо) нарушает ряд требований, предъявляемых к служебному поведению, установленных соответствующим законодательством, поступая неразумно, недобросовестно, причиняет вред интересам службы и общезначимым интересам. Например, гражданский служащий согласно ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» обязан: исполнять должностные обязанности добросовестно (п. 1 ч. 1); в своих решениях и поступках исходить из того, что признание, соблюдение и защита

прав и свобод человека и гражданина определяют смысл и содержание его профессиональной деятельности (п. 2 ч. 1); не совершать действия, связанные с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению должностных обязанностей (п. 5 ч. 1); не совершать поступки, порочащие его честь и достоинство (п. 8 ч. 1); не допускать ситуации, способные нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа (п. 13 ч. 1). Нарушение этих требований к служебному поведению служащего образует злоупотребление правами и возможностями, вытекающими из его служебного положения (статуса должностного лица), а в конечном счете – из «злоупотребления властью».

Сказанное позволяет признать целесообразным изменить в ст. 285 УК РФ определение «злоупотребления должностными полномочиями» на «злоупотребление государственной и муниципальной властью», поскольку это позволяет полнее учесть законодателем наиболее опасные виды преступного использования должностным лицом всех рычагов и средств власти, а не только при осуществлении или в связи с осуществлением своих полномочий или обязанностей.

К конструктивному признаку объективной стороны злоупотребления должностными полномочиями относятся также преступные последствия деяния в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. При этом содержание термина «существенное нарушение» законодателем не раскрывается, что следует признать существенным недостатком ст. 285 УК РФ. По мнению опрошенных нами 150 следователей, прокуроров и судей, в каждом конкретном случае злоупотребления признак «существенности» имеет разные характеристики, не зависящие от объективных оснований. Близкие к этому ответы дают и студенты юридических факультетов, изучающие уголовное право. И только 5 % преподавателей уголовного права юридических вузов считают, что понятие «существенное нарушение» («существенный вред») должно иметь количественную и качест-

венную оценку, в том числе выражаться в твердой денежной сумме.

В теории уголовного права данное понятие относят к так называемым *оценочным критериям*, применение которых неизбежно и полезно, но таит в себе возможность судебных ошибок, nepозволительного расширения судейского усмотрения, противоречащего принципу законности [16, с. 38-41]. Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 30 марта 1990 г. лишь указал, что при решении вопроса о том, является ли причиненный вред *существенным*, необходимо учитывать степень отрицательного влияния деяния на нормальную работу организации, предприятия, учреждения, характер и размер материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного морального, физического и имущественного вреда. К тяжким последствиям, по мнению Пленума, следует относить причинение вреда в особо крупном размере, дезорганизация работы учреждения, предприятия и др. [17, с. 371-372].

УК Франции (ст.ст. 432-4 и 432-5), УК Польши (ст. 228 § 1-4) определяют злоупотребление властью (служебными полномочиями) как формальные составы преступлений, уголовная ответственность за которые не связывается с наступлением определенных последствий содеянного. Аналогично решается вопрос в УК Испании (ст.ст. 404, 405) и УК ФРГ (§ 331) и ряде других государств.

В УК Австрии (§ 302), УК Швейцарии (ст. 12) и некоторых других государств ответственность за злоупотребление служебным положением (служебной властью, должностными полномочиями т.п.) связывается с возможным причинением вреда (лицо действует «с намерением причинить вред правам другого лица» или «причинить другому ущерб»).

УК Грузии (ст. 332) в качестве злоупотребления служебными полномочиями указывает на «существенное нарушение прав физических или юридических лиц, законных интересов общества или государства». В УК Эстонской Республики (ст. 161) последствием злоупотребления служебным полномочием называется причинение «существенного вреда охраняемым законом правам и интересам лиц, предприятий, учреждений или организаций либо интересам государства».

УК Республики Беларусь (ст. 424) и Республики Узбекистан (ст. 263) относят к последствиям рассматриваемого преступления причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо общественным или государственным интересам. При этом не предлагается никаких критериев определения существенности нарушения прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства, а также критериев отграничения существенного вреда от тяжких последствий.

Таким образом, существенное нарушение прав и охраняемых законом интересов, а также причинение тяжких последствий проявляется в степени отрицательного воздействия злоупотребления, при котором материальный вред выражается в его характере, размерах, а нематериальный – в тяжести переносимых потерпевшим моральных или физических страданий, тяжести причиненного вреда здоровью и т.п.

В ст. 285 УК РФ речь должна идти об *умышленном* использовании должностным лицом служебной власти. На умышленный характер злоупотребления властью (служебным положением) указывают, например, УК Республики Беларусь (ст. 424) и УК Эстонской Республики (ст.ст. 161 и 161-1).

УК Республики Беларусь, кроме того, предусматривает ответственность не только за умышленное использование должностным лицом своих служебных полномочий (ст. 424), но и за *умышленное неисполнение им своих служебных обязанностей* (ст. 425). Как известно, в Модельном уголовном кодексе для государств-участников СНГ, наряду с составом «злоупотребления служебным положением» как умышленным действием (ст. 301), предусмотрена ответственность и за *умышленное бездействие по службе* (ст. 302) [18, с. 89]. Подобное решение законодателя следовало бы рассматривать как шаг, направленный на дальнейшую дифференциацию уголовной ответственности за исследуемое преступление, и решение, которое способно уменьшить остроту и актуальность спорного в теории уголовного права вопроса о том, можно ли признать неисполнение должностным лицом своих обязанностей разновидностью использования им служебных полномо-

чий (положения) или последнее не может быть совершено путем бездействия, как считает, например, Б.В. Волженкин [19, с. 142].

Чтобы привлечь к уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями необходимо установить, что виновный действовал (бездействовал) при этом *из корыстной или иной личной заинтересованности*. Уголовные кодексы зарубежных государств, как правило, связывают возможность ответственности за данное деяние со стремлением получить выгоду для себя или другого лица. Исключением может являться, например, УК КНР, который определяет уголовную ответственность за злоупотребление властью вне зависимости от мотивов преступления (ст. 397), указывая мотивы корыстной или иной личной заинтересованности в качестве квалифицирующих признаков данного преступления. В этом отношении российский законодатель, думается, справедливо учитывает в качестве конструктивных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, такие мотивы низменного характера, как корыстная или иная личная заинтересованность, которые ранее (ст. 33 Основ уголовного законодательства ССР и союзных республик) по праву признавались обстоятельствами, отягчающими ответственность. Неверно было бы признавать преступлением злоупотребление должностными полномочиями (положением, властью), совершенное по мотивам, не имеющим личного смысла и значения, в которых отсутствует стремление получить личную выгоду и личное удовлетворение (например, по мотивам ложно понятой необходимости, возникающей на почве защиты ложно понятых интересов других лиц или ложно понятых интересов общества и государства) [20, с. 41-42].

Высказанные соображения и доводы в пользу изменения и дополнения российского уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями позволяют: во-первых, по-новому сформулировать определение этого преступления в УК России; во-вторых, расчленив его на два самостоятельных состава, учитывающих в отдельных уголовно-правовых нормах активное негативное поведение должностного лица – действие, совершаемое путем незаконного

использования власти, пассивное поведение – преступное бездействие, реализуемое в форме неисполнения своих обязанностей по службе; в-третьих, прокомментировать в примечаниях к соответствующим статьям УК оценочные понятия, характеризующие преступные последствия данного преступного деяния.

Полагаем, в свете сказанного ст. 285 УК РФ могла быть изложена в следующей редакции:

«Статья 285. Злоупотребление государственной и муниципальной властью.

1. *Умышленные действия, совершенные должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности путем незаконного использования своих служебных полномочий, возможностей, которыми оно обладает в силу своего служебного положения и авторитета власти, причинившие существенный вред охраняемым законом правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства,* – наказывается ...

3. *Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, причинившие крупный ущерб или иные тяжкие последствия,* – наказывается ...»

Примечания 1-3 к ст. 285 УК РФ следует изложить в редакции, предложенной авторами ранее [21, с. 88-89].

Примечание к ст. 285 УК РФ дополнить примечаниями 5-6 в следующей редакции:

«... 5. *Существенным вредом в настоящей статье и статье 285.3 настоящей главы признается имущественный вред, причиненный потерпевшим, на сумму свыше ста тысяч рублей либо физический вред в виде причинения вреда здоровью средней тяжести хотя бы одному человеку, либо вред, выразившийся в нарушении конституционных прав и свобод граждан, нарушении нормальной деятельности государственных, коммерческих и иных организаций, либо в том, что данное деяние способствовало совершению другого преступления.*

6. *Крупным ущербом в настоящей статье и статье 285.3 настоящей главы признается имущественный ущерб, причиненный потерпевшим, на сумму свыше двухсот пятидесяти тысяч рублей.*

Иными тяжкими последствиями могут быть признаны ущерб, выразившийся в причинении тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку или в гибели человека по неосторожности должностного лица, либо в том, что данное деяние было сопряжено с совершением тяжкого или особо тяжкого преступления или попустительством его совершению, а равно совершению преступления в составе организованной группы».

Дополнить УК РФ статьей 285.3 следующего содержания:

«Статья 285.3 Умышленное бездействие по службе.

1. *Умышленное бездействие должностного лица по службе из корыстной или иной личной заинтересованности, выразившееся в неисполнении им действий, которые оно могло и должно было совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, если это причинило существенный вред охраняемым законом правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законным интересам общества или государства, –*

наказывается ...

2. *То же деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно должность главы органа местного самоуправления, –*

наказывается ...

3. *Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие причинение крупного ущерба или иные тяжкие последствия, –*

наказывается ...»

Наказание за злоупотребление властью в форме бездействия по службе должно быть, по нашему мнению, менее строгим в сравнении с аналогичными видами злоупотребления властью, совершенными путем активных действий, ответственность за которые предусмотрена ст. 285 УК РФ.

Литература:

1. Юридический анализ энциклопедический словарь. – М., 1984.
2. Лунев В.В. Коррупция в России // Государство и право. – 2007. – № 11.
3. Советский энциклопедический словарь. – М., 1982.
4. Хохлов Н.И. Коррупция: сущность, меры борьбы, проблемы совершенствования законодательства // Вестник экономики, права и социологии. – Казань. – 2008. – №1.
5. Коваленко Е.О. Этико-культурные детерминанты коррупции: российский опыт // Организованная преступность и коррупция: результаты криминально-социологических исследований. Вып.1. – Саратов, 2005.
6. Коррупция и борьба с ней. Краткий терминологический словарь. – Казань, 2004.
7. Справочный документ о международной борьбе с коррупцией, подготовленный секретариатом ООН. А/СОП. 169/14, 1995. – 11 April.
8. Лунев В.В. Коррупция, учтенная и фактическая // Государство и право. – 1996. – №8.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1997.
10. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1990. – №3.
11. Здравомыслов Б.Д. Должностные преступления. Понятие и квалификация. – М., 1975.
12. Гордейчик С.А. Ответственность лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой и иной организации // Российская юстиция. – 1998. – №11.
13. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 2 февраля 2006г. №19-ФЗ. О взаимосвязи государственной (гражданской) службы и муниципальной службы как единой системы власти говорится, например, в ст.7 Закона.
14. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ 1996 г. / Под ред. А.В. Наумова. – М., 1996.
15. Голубев В.В. Злоупотребление должностными полномочиями как основа отечественной коррупции // Законодательство. – 2002. – №6.
16. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общий ком-

- ментарий. Сравнительная таблица. Научно-практическое пособие. – М., 1996.
17. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР по уголовным делам. – М., 1995.
18. Правоведение. – 1996. – №1.
19. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М., 2000.
20. Волков Б.С. Мотивы преступлений. – Казань, 1982.
21. Сидоров Б.В., Фахриев М.М. Определение должностного лица в УК РФ и проблемы совершенствования его законодательной конструкции // Вестник экономики, права и социологии. – Казань. – 2008. – № 1.

Misfeasance in Office as the Principal Corruption Crime and a Few Aspects of Improving its Legislative Definition

The study of international legislation, national and foreign criminal legislation on counter-acting corruption and liability for misfeasance in office (public office, influence, authority conferred by office), essential legal literature and reference materials allowed the authors of the article under review to analyze corresponding Russian criminal legislation and to rehash the definition of crime provided for in clause 285 of the Criminal Code of the Russian Federation and other related criminal legal norms.

